

6.12.94

Неелова Марина

Марина Неелова:

Удивительно сочетается в этом человеке множество почти несоединимых черт: необычайная эмоциональность и трезвый, острый ум, поразительные оценки и точные, подчас желчные характеристики и невероятная наивность, нежность, мудрость, кокетство, детскость, открытость (о себе и других), жесткость и обидчивость, мнительность, ранимость, часто безапелляционность - и вдруг боязнь обидеть, огорчить, бессребренность и доброта душевная! Такое чувство, что я старше и обязана ее оберегать. Как хочется что-то сделать для нее, чем-то порадовать, побыть с ней, никуда не торопясь, посидеть на диване под фотографиями - Ахматова, Пастернак, Шостакович, Цветаева, Уланова... Они приколоты к обоям иголками для внутривенных уколов и занимают всю стену. А в углу, около кресла под торшером, - «портреты» собак, которых так любила Фаина Георгиевна. Позже, когда она попросила мою фотографию, я, понимая, что не могу претендовать на эту «стену», нашла для себя место среди собак и, надо сказать, выглядела там вполне органично...

Опять уезжала с тяжелым чувством, что оставляю ее одну; прощаясь, вижу, мне кажется, слезы у нее на глазах и сама чувствую комок в горле и щемящую боль, тепло, нежелание расставаться и хочу просто вот так смотреть на нее, просто эгоистически впитывать все, что она мне дает, даже в самые краткие моменты общения, даже по телефону, когда не вижу глаз, а только «слышу» ее мысли...

Говорит Ф.Г.Раневская:

Паспорт человека - это его несчастье, ибо человеку всегда должно быть восемнадцать лет, а паспорт лишь напоминает, что ты не можешь жить, как восемнадцатилетний человек!

Старость - это просто свинство. Я считаю, что это невежество Бога, когда он позволяет доживать до старости. Господи, уже все ушли, а я все живу. Бирман - и та умерла, а уж от нее я этого никак не ожидала. Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!

Марина Неелова:

Фаина Георгиевна! Фаина Георгиевна! - всегда открытая дверь - заходите - собака Мальчик, ласкательно - Маня; самое близкое существо - «если его не станет - я умру» - Мальчик, живи вечно!

Цветы в почти пустой квартире, пустой холодильник (все продукты отданы кому-нибудь - «а мне все равно ничего нельзя»), пакеты с пшеном на подоконнике - для птиц и птичек (предпочитаются воробьи), книги, книги - на столе и на столике, в постели, на стуле, на диване, - книги, которые еще не разданы и не украдены (дверь же открыта - бери, что видишь) - Томас Манн, Даррелл, Диккенс, конечно, Пушкин, книги на французском языке, - «мой Мальчик знает всю французскую поэзию», - рядом с альбомом про собак, «Новый мир», газеты, очки, и на всех обрывках листов, на газетных белых полях, на коробках - записанные, зафиксированные в эту секунду пришедшие мысли или воспоминания, а иногда и несогласие с кем-то. На одной странице жестокая характеристика известного театрального деятеля: «Он великий человек, он один амесил в себя сразу Ноздрева, Собакаевича, Коробочку, Плюшкина - от него исходит смрад».

Сидим, говорим про Цветаеву (вернее, я задаю вопросы, а говорит Фаина Георгиевна), про Ахматову, про то, что, долго читая Цветаеву, устает, а потом «отдыхает» на Ахматовой, что Анна Андреевна - человечнее и понятнее.

Говорит Ф.Г.Раневская:

Ахматова была женщиной больших страстей. Вечно увлеклась и была влюблена. Мы как-то гуляли с ней по Петрограду. Анна Андреевна шла мимо домов и, показывая на окна, говорила: «Вот там я была влюблена... А за тем окном я целовалась...»

Ахматова не любила двух женщин. Когда о них заходил разговор, она негодовала. Это Наталья Николаевна Пушкина и Любовь Дмитриевна Блок. Про Пушкину она даже говорила, что та - агент Дантеса.

А Марина Цветаева - гений и всегда не здесь, даже слушая, смотрит «насквозь», куда-то «в свое», невероятно умна, своеобразна, одна такая и не как все.

Марина Неелова:

Я смотрю, слушаю Фаину Георгиевну и думаю, что ей и правда восемнадцать - я старше, но глупее. После общения с ней как будто надыхалась кислородом и немного кружится голова. Пересматриваю потом всю «пленку» свидания, вспоминаю, хочу запомнить надолго, иначе смотрю на себя и окружающих - после подобных встреч очень трудно становится общаться с другими: переоценка и заниженность их - совершенно другой мозговой и сердечный уровень.

меня ведь нет детей... его подобрали на улице... избитого, с переломанной лапой... Он понимает, что я спасла его... Он желает мне здоровья. Нет...нет, нет... он просто меня любит... как я его... Хотите я расскажу вам о Давыдове? О Павле Леонтьевне Вульф... Вы ешьте, ешьте, это хороший сыр... мне его достали... дайте выпьем кофе... да... о чем я хотела рассказать? Вы знаете, я странная старая актриса. Я не помню моих воспоминаний...

искусство - свято.

- Фаина Георгиевна, вы верите в Бога?

- Я верю в Бога, который есть в каждом человеке. Когда я совершаю хороший поступок, я думаю, это дело рук Божьих...

Вновь навещаю Фаину Георгиевну. И вновь много говорю о Цветаевой. Фаина Георгиевна подарила мне очень дорогую для нее и для меня книгу с надписью: «Марине - Марину с любовью к обеим». Читаю ее сей-

«Марине - Марину с любовью к обеим»

Говорит Ф.Г.Раневская:

Не могу сейчас ни с кем общаться, не хочу никого видеть - все только про что где достать - никакой души.

Марина Неелова:

И собака, и цветы, и птицы - все не так одиноки, как она. Страшное слово - одиночество - произносится ею без желания вызвать сострадание, а так, скорее, констатация - «девочка, если бы вы знали, как я одинока». И сердце сжимается, когда это слышишь именно от нее, от человека, любимого всеми.

Сидит в кресле, днем с зажженным торшером, читает, читает без конца, беспокоится о Мальчике, кормит птиц, почти ничего не ест...

Говорит Ф.Г.Раневская:

Ешьте, вы мало едите. Вот творог. Хотите я задаю вопросы, а вы отвечаете? Он страшно полезный. Я сама его делаю. Если бы вы знали, как он мне надоел. Не ешьте творог, ешьте нормальную пищу. Поглядите моего Мальчика, видите, как он смотрит на вас. Не смей так смотреть! Иди ко мне! Вот тебе, ты любишь это... не ест! Какая наглость! Ну ляг здесь, мой хороший... Вы знаете, как он переживал, когда я болела! Он так страдал за меня! Ночью я упала и не могла подняться. И некого позвать... надо терпеть до утра... а он пришел, стоит рядом и страдает... Я люблю его... у

Марина Неелова:

Приезжаю от нее домой. Звонок: «Как вы доехали, я беспокоилась». Я не успела позвонить. А она успела. Вся в этом.

Жажда и потребность любить, ждуть, быть нужной.

Звонит мне утром, и я, не проснувшись, - басом:

- Фаина Георгиевна, можно я вам перезвоню чуть позже?

Перезваниваю.

- Девочка, что с вашим голосом? Вы пили всю ночь?

- Я не пью, Фаина Георгиевна.

- Спасибо.

- ?!?!?

- Боюсь за вас, только не пейте!

- ?!?!?

- Я так испугалась вашего голоса, я боюсь, что после спектакля вы идете в ресторан и гуляете!

- Фаина Георгиевна, дорогая, это невозможно, я в рестораны не хожу вообще, не люблю, и это для меня может быть только как наказание.

- Спасибо, девочка, не растрчивайте себя впустую, прошу вас. И снимайтесь реже в кино: когда мне снится кошмар - это значит, я во сне снимаюсь в кино. И вообще, сейчас все считают, что могут быть артистами только потому, что у них есть голосовые связки. Тут у меня написано что-то изречение: «Искусство - половина святости». Я бы сказала иначе:

час, читала и до, но теперь читаю «через» Фаину Георгиевну.

На этой книжке, на первом листке рукой Фаины Георгиевны написано: «Вспомнилась молодая Марина, а потом постаревшая, усталая, вернулась из Парижа другая Марина, постарше, но Марина. Я плакала, Марина утешала, потом война, я увезла близких в Ташкент, Марину все бросили, Марина удавилась в Елабуге. Моя всегдашняя мука Марина».

Говорит Ф.Г.Раневская:

Вхожу в дом, где обещали встречу с Мариной. Где же она?! За столом, закрыв лицо руками, сидит пожилая, седая женщина. Где Марина Цветаева?

- Я Марина Цветаева.

Как воспитанный человек, делаю вид, что узнала. Но не узнаю совсем. Изменилась.

- Вы меня не узнаете, Марина?

Она тоже делает вид, что узнала.

- Я Фаина Раневская.

- Господи!

Плачем, обнявшись посередине комнаты.

Получила пять тысяч - тогдашнюю зарплату. Еду к Цветаевой, говорю - есть деньги, хочу поделиться - расцвела.

Пачка в сумке, в банковской упаковке, рукой незаметно пытаюсь ее разорвать, чтобы поделить пополам,

она не поняла (не заметила - слава Богу) и взяла всю пачку.

- Фаина, спасибо, я знала, что вы добрая!

Стою замерев - не знаю, что делать, что принести домой, что скажу? Продаю свое колечко и прихожу домой с зарплатой.

Какое счастье, что я тогда не успела поделить пополам, что отдала все! После ее смерти на душе чувство страшной вины за то, что случилось в Елабуге!

Марина Неелова:

Фаина Георгиевна в больнице. Ей ничего нельзя - диабет. Еду на рынок, покупаю малину, яблоки, абрикосы, апельсины и ромашки - почему-то сегодня хотелось не розы, а ромашки - что-то простое...

Вхожу в палату. Справа - Фаина Георгиевна.

- А это Мариночка, Неелочка... Вы знаете, ведь был такой момент, когда мы могли работать вместе... Вы меня вспоминаете?

- Нет, Фаина Георгиевна, помню всегда.

Пожатие, как ни странно в таком состоянии и положении, крепкое. Стою, глажу ее руку, поху-девшую, с пятнышками на коже, но сильную и нежную, а другая в рукопашности - неотпускаемом...

- Что у вас в театре, деточка?

- «Вирджиния Вульф».

- Как хорошо, что где-то репетируются хорошие пьесы... Деточка, почему вы все время стоите на ногах, вы же устанете, сядьте.

- Но руку не отпускает.

- Нет, спасибо, мне и так хорошо.

Собирается консилиум, решают делать операцию. Оторвался тромб. Фаина Георгиевна: «Нет, не хочу».

- Это чтобы вы быстрее встали на ноги и не хромали.

- А вы что, думаете, я собираюсь играть «Даму с камелиями»? Нет, не собираюсь... Я вас, деточка, люблю, вы это знаете?

- Знаю...

Потеря!

Никогда не понимала этого слова - поминки. Кто помнит - помнит и так, а не в определенные для воспоминаний дни.

Помню: была у Фаины Георгиевны, провела с ней день: завтракали, обедали, говорили и даже играли: нечто вроде ее импровизации и моего подыгрыша. Пригласила ее на спектакль «Спешите делать добро».

- Деточка, я почти не выхожу из дома, и к тому же я не могу оставить Мальчика одного: он ску-чает!

- Тогда можно я вам здесь все сыграю?

Господи! Как же хорошо для нее играть! Сидим на кухне, она в бывшем французском халате (ему лет сто, вижу, что надет на левую сторону, но не по ошибке, а из каких-то соображений, цвет мой любимый - фиолетово-сиреневый), извиняется, что в таком «халатном» виде, я говорю, что ей он очень идет, и тут же в ответ:

- Деточка, что мне сейчас идет, кроме гробовой доски?! А вы знаете, что он надет у меня на левую сторону?!

- Знаю.

- Откуда?

- У вас карман внутри.

- Правильно!!! - И хочет так, будто я придумала какую-то невероятную шутку!

До чего же я счастлива, когда стою у плиты в этой ее кухне, вижу, а скорее, чувствую, как она смотрит на меня, играющую монологом весь спектакль, как потом она молчит, а я и не жду слов - мне ее слезы и молчание дороже множества похвал. Быть таким зрителем - это особый талант, это еще один особый ее дар.

Говорит Ф.Г.Раневская:

У меня хватило ума так глупо прожить жизнь.

Говорит Ф.Г.Раневская:

У меня хватило ума так глупо прожить жизнь.

Говорит Ф.Г.Раневская:

У меня хватило ума так глупо прожить жизнь.

Говорит Ф.Г.Раневская:

У меня хватило ума так глупо прожить жизнь.

Говорит Ф.Г.Раневская:

У меня хватило ума так глупо прожить жизнь.

Говорит Ф.Г.Раневская:

У меня хватило ума так глупо прожить жизнь.

Говорит Ф.Г.Раневская:

У меня хватило ума так глупо прожить жизнь.

Говорит Ф.Г.Раневская:

У меня хватило ума так глупо прожить жизнь.

Валерий ЕРМОЛОВ

